

Херасков Михаил Матвеевич

Творения М. Хераскова

Часть 11

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Творения М. Хераскова: Часть 11 / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 330 с.

ISBN 978-5-521-29089-5

ISBN 978-5-521-29089-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

изреченію. Но не давай прохладѣться священному пламени, въ духѣ твоемъ Музами восплавленномъ; Музы не любятъ, кто ими призываемъ будучи рѣдко съ ними бесѣдуетъ. Тебѣ, любимецъ Музъ, Рускій Путешественникъ К—нъ*; тебѣ, чувствительный Н—скій*; тебѣ, пріятный пѣвецъ Д—іевъ*; тебѣ Б—чъ*, пворецъ Душеньки; и тебѣ П—овъ*, писатель Одъ громогласныхъ, важностию преисполненныхъ, тоже явѣщаю. А вы, юные Музъ питомцы, вы, Россійскаго пѣснословія любители! шестуйте ко храму ихъ медленно, осторожно и рачительно; онъ воздвигнутъ на горѣ высокой; спези къ нему пробираются сквозь скалы крупыя, извиыя, препушанныя. Достигнувъ Парнасскія вершины, изліянный потъ вашъ, раченіе, тщательность ваша, осѣняющими гору древесами прохладены будутъ; чело ваше пріосѣнится вѣнцемъ неувадаемымъ. Но памятуйте, что ядовитость, самолюбіе и тщеславіе Музамъ неприличны суть; онѣ дѣвы, и любятъ непорочность нравовъ, любятъ нѣжное сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Неимѣющие правилъ добродѣтели главнымъ своимъ видомъ, вольнодумцы, горделивые спосагатели, блага общаго нарушители, друзьями ихъ наречься не могутъ. — Буди цѣломудръ и кропкъ, кто безсмертныя пѣсни составлятъ хочетъ! Таковы строги суть уставы горы Парнасской, на коей возсѣдаютъ безсмертныя Пипы, Витіи, и прочіе други **Ѳ и в о в ы**. Таковы-

ми пѣснопѣвцами Дворѣ Орзановѣ наполнялся, и могли ли собесѣдующіе мужи лирами ихѣ не восхищаться? — Восхищались! ибо имѣя сердца чувствительныя, и слухъ внимательный они имѣли.

Умолкшимѣ лирамѣ и пѣснословію, коимѣ сама Зерфина предназначала, Цари и Трипполемѣ предались пріятному разговору; собесѣдники отѣ лица ихѣ уклонились для желаннаго по трудахѣ покоя; тогда Трипполемѣ простерѣ къ Полидору слово: о сынѣ Кадмовѣ! нынѣ время, пѣбою желанное, наступило оставивѣ островѣ Терзипскій и ко взаимной нашей горести распаться со своимѣ другомѣ Орзаномѣ; повели приготовить корабли свои, и шествуй отсюда сопровождаемый боговѣ твоихѣ покровительствомѣ, кои тебѣ любяѣ. Я самѣ извѣду вскорѣ изѣ сего острова вѣ отдаленныя земли, для наученія другихѣ человекѣ земледѣлію, толико нужному во подлежащее нынѣ время. Видѣлѣ я вниманіе и тщательность твою при воздѣланіи мною земли средствомѣ донынѣ людямѣ неизвѣстнымѣ; не ради себя ты получался, но изливалѣ попѣ ради наученія подданныхѣ твоихѣ земледѣлію. Твой отвѣтѣ, учиненный твоему соупнику, внятенѣ мнѣ былѣ. Блаженны народы, коихѣ Цари для блага общаго спокойствиемѣ жертвуютѣ, дни и ночи во бдительномѣ размышленіи о врученномѣ богами правленіи проводятѣ! боги, на дѣла человеческія

сѣ небесѣ взирающіе, увѣнчаютъ ихъ попеченія временнымъ и вѣчнымъ благоденствіемъ. Но ты, Полидоръ! не поспѣшай возвращипсья во пвое опечесшво; Оивяне не могутъ еще наслаждаться печальнымъ лицеэръбіемъ любимаго Царя своего. Извѣстна мнѣ вина пвого сѣпованія: ты оплакиваешь донынѣ супругу пвою Зарену; — можетъ ли духъ унывающій, можетъ ли заниматься величайшимъ въ мірѣ долгомъ — Царства правленіемъ? или можетъ ли спокойсшво утверждать подвластнаго ему народа, самъ покоя не ощущая? Горестъ, Царское чело омрачающая, изліется въ сердца окружающихъ его, угнѣпетъ ихъ и ввергнетъ въ смутное уныніе; но радостныя возэръбія Обладателя души оживошворяютъ, веселятъ и спокойсшвомъ напоятъ его подданныхъ. Напомни царсшвованіе опца пвого Кама, и ты истинну моихъ глаголовъ возчувствуешь. Жребій пвой, о Полидоръ! богами тебѣ предназначенный, колико мнѣ извѣстно, не есть жизнь равнообразная, неподвижная и къ спокойному упражненію во правительсшвѣ дарованная; но жизнь дѣятельная, шрудная и попечительная къ совершенному пвому благу и благу спутниковъ пвоихъ тебѣ дарованная.

Внемли слову моему: — я видѣлъ въ моей юности маперь пвою Гармонію, когда прибыла она на корабль Ланаксаровомъ во Египетъ и между

слабощими жрицами жителство имѣла; коль много уважаема была сія почтенная, но несчастная супруга жрицами и жрецами! казалось, новую душу боги низпослали въ ихъ немногочисленное общество, душу, священного дружелюбного закона написующую. Тихіе и цѣломудренныя ея нравы, божественныя правила, сладостная бесѣда отъ всѣхъ женъ привлекли къ ней вниманіе и уваженіе; она казалась быть нѣкимъ божествомъ, на землю низшедшимъ для утѣшенія подругъ ея; — взоръ ея, мнилось, излучалъ въ сердца любленіе добродѣтели; пороки поспыждались взглядами ея, и чувствуя всю свою мерзость, сами себя предъ ея очами ужасались, или ихъ убѣгали. Старѣйшія жрицы любили съ нею совѣщаться во предприемлемыхъ ими намѣреніяхъ; равнолѣтныя ей по ея мнѣніямъ и правиламъ жизнь свою учреждали, — юнѣйшія поученіями ея, пріятнымъ обращеніемъ, попеченіями о ихъ младости просвѣщались; всякій потѣ обожалъ ее; кто любилъ добродѣтель, и всякій восхищался ея бесѣдою, кто зналъ цѣну дружелюбства, полезнаго времени проведенія и сладость мудрости. Такова была мать ея; она различныя нравы во взаимную спротивность приводить умѣла.

Сіяніе божественныхъ ея качествъ наипаче открылось въ обращеніи ея съ несчастною Лисбою, сею дѣвою, которая вѣроломнымъ Хаде-

момъ, Царемъ Маврипанскимъ, изъ общества жрицъ была похищена. Ослѣплена будучи соблазнительными увѣреніями сего хищника, его лестными обѣщаніями, короною и скипетромъ Маврипанскимъ, Лисба оставила мирное свое убѣжище, уже будучи служенію богини Изиды посвященна; она ввѣрилась вожденію нечестиваго Хадема, и съ великимъ своимъ имуществомъ на кораблѣ его, тайно вступила. Но едва оплылъ Маврипанскій корабль отъ Египта, Лисба гибель свою возчувствовала: она познала во своемъ похищителѣ развратнѣйшаго изъ чловѣковъ; уста его спрашными клятвами и гнусными лжами преисполнялись. Онъ сбросилъ личину плѣняющаго лица, и явился наглѣйшимъ на кораблѣ властипелемъ; Хадемъ желалъ, чтобы все раболѣпствовало и покорялось его мановенію; своенравіе, гордость и жестокость его предѣловъ не имѣли; самое малое, или неумышленное препинаніе его волѣ, — смертію наказывалось. Каковъ былъ сей вѣроломецъ съ его подданными, таковъ явился наконецъ соблазненной имъ Лисбѣ. Опобравъ отъ нее всѣ сокровища, подъ предлогомъ сбереженія оныхъ, началъ требовать отъ ней супружескихъ обязанностей прежде брака. Лисба возчувствовала во всей силѣ свое злощастіе; въ крайности воззвала она къ покровительству боговъ, невинность, защищающихъ. Всемогущіе боги вняли ея моленію: они воздвигли странную въ окіянь

бурю; мстящіе перуны, на крылѣхъ вѣпроеъ
носящіеся, блеснули и поразили корабль Царя
Маврипанскаго — поразили, но его соблюли до
времени. Кипящія волны поглотили многихъ
плавателей. Лисба, вышнимъ Промысломъ покро-
вительствуема, ухватила за едину доску кора-
бельную; носима будучи чрезъ цѣлый день волна-
ми по окіану, была въ безпамятствѣ извер-
жена на берега Египетскіе близъ жилища жре-
цовъ; — они обрѣли ее чувствъ лишенну, и воз-
вратили во храмъ Изидинъ.

Гармонія, по своемъ прибытіи во священное
жрецовъ обиталище, познала злощасіе Лисбы,
о приключеніяхъ которой еще въ Маврипаніи
извѣстилась. Тѣмъ наипаче о ней соболѣзно-
вала она, что сія дѣва была злополучна, и ни-
къмъ по ея преступленіямъ не уважаема, пре-
дана опъ всѣхъ собственному ея раскаянію и
слабостей своихъ оплакиванію. — Гармонія рек-
ла: жребій сей молодой Лисбы равенъ съ моимъ
жребіемъ; такъ же, какъ она, коварнымъ Ха-
демомъ я соблазняема была, такъ же гонима,
униженна и въ бѣдственное состояніе ввергну-
та; съ нею надлежитъ мнѣ соспирядать купно,
и сѣповать, чію мы развратнаго Царя Маври-
панскаго узнавъ спыдѣ имѣли.

Гармонія обрѣла Лисбу живушу при храмѣ
богини Изиды, во скучномъ уединеніи погрѣш-
ности свои оплакивающу; она приложила свое

попеченіе прибрѣсти ея дружество, не тако, какъ сильныя снискиваютъ дружбу безсильныхъ, кои гордостію водимы, воззрѣніемъ своимъ честь немощнымъ людямъ оказывать чаютъ; — но Гармонія тако привлекла довѣренность Лисбы, какъ великія души обыкновенно дружелюбіе несчастныхъ снискиваютъ. Поспавивъ во взаимное сношеніе свои правила съ Лисбою, изліяла она отпращу въ ея сердце, привела въ согласныя мѣры Лисбиной души качества, кои прежними ея заблужденіями разспроены были; обработала ея чувства, и содѣлала изъ нихъ ковчегъ изящныхъ достоинствъ, челоуѣчество украшать могущихъ. Гармонія образовала ея нравы, сіяніе на другихъ проспираетъ и уваженіе людей привлекаетъ могущіе. Тако посѣявъ во младомъ и мало еще искушенномъ разумѣ Лисбы сѣмяна священныхъ добродѣтелей, Гармонія имѣла утѣшеніе насладиться плодами своего попеченія, содѣлать изъ нее себѣ истиннаго друга, всѣми по его превосходнымъ качествамъ чпимаго; словомъ, она сотворила новую Лисбу, кая въ число первоначальныхъ жрицъ общимъ избраніемъ вскорѣ была включена. Щасливъ сынъ, копорый шоль почтенную матеръ имѣетъ! и щасливъ каждый изъ смертныхъ, кто друга шоль мудраго сыщеть!

Гармонія никогда не роптала на невѣрность своего супруга, швоего родителя, соблазнамъ

развратнаго Хадема ее вѣбріившаго; она приписывала непріязненному року отлученіе Кадма изъ Мавританіи. Совѣсть его непорочна, вѣщала иногда Гармонія, но боги нами обѣими протѣваны; а мы смертныя слабы и немощны! — Я не опчаяваюсь, продолжала она, возвратишься въ нѣжныя обѣяпія возлюбленнаго моего супруга. — Небо сжалится, соединитъ насъ, мы вѣчно разлучены уже не будемъ. — Часпо напоминала она о тебѣ, дражайшій Полидоръ! очи ея слезами тогда наполнялись, но душа ея твердою и великою намъ видѣлась; намъ казалось, будто въ духъ ея нѣчто естъ священное и божественное; или нѣчто подобное таинственному прорицалищу; въ очахъ ея, мнилось, иногда небеса сіяли. Внемли, сынъ Гармоніи! внемли, что она вѣщала! — „Сѣшую о поперяніи моего сына Полидора, какъ мать сѣшоващъ удобна, не находя своего любезнаго чада; но гласъ нѣкій свѣще мнѣ сказываетъ, что я обрѣшу моего сына, и что сердце мое, ощутивъ въ обѣяпіяхъ моихъ дражайшаго Полидора, радостию разыграетъ. Такъ увижу, обѣиму его, и розвеселюсь его лицезрѣніемъ.“ —

При такихъ пріятныхъ восторгахъ, вдругъ она въ тихую задумчивость погружалась, и мнилось намъ тогда, что она вѣтайнѣ съ богами бесѣдуетъ. — Нѣкогда возмущился духъ въ ней противу ея воли — очи ея въ то время неизреченнымъ сіяніемъ сверкали; чело ея будто упрен-

ними зарями осѣнилось, лице ея нѣкое важное величество извѣяло; тѣло ея въ неспокойномъ и препетномъ движеніи было. Тако представляется Пиѳія, когда изрекаетъ пророческія слова ея вопрошающимъ. — Гармонія возгласила предъ нами: увы! узрю моего сына! — онъ не погибъ нынѣ; — но какими мраками утродней его затмевается! — цвѣтетъ опрасль Кадмова корени, цвѣтетъ, и скоро увядаетъ! — Темный облакъ сгустился, перунъ грянулъ и поразилъ моего Полидора. — Несчастный сынъ! рано уязвися сердце твое смертною горесію! — пріятная заря сокрылась, все померкло! но тма уснуваетъ паки мѣсто восходящему свѣтилу небесному. . . . Потомъ, будто бы новымъ свѣтомъ озарена, продолжала Гармонія: — сынъ мой! сынъ любезный! коль многія трудности предлежатъ юнымъ твоимъ лѣтамъ! Перуны умолкли, мрачная туча миновала, воздухъ тихій тебя окружаетъ, солнце радостными лучами тебя освѣтило: Полидоръ! Полидоръ! ты щастливъ будешь; бѣдствія твои прешли; люпый рокъ умягчился. — Но гдѣ ты спрансвуешь? Увы! таинственныхъ буквъ, жребій твоей вѣщающихъ, прочитаешь не умѣю. Вижу тебя во странѣ неизвѣстной и . . . но завѣса непроницаемая возшумѣла, опустилась, и дивное видѣніе опѣ меня сокрыла.

Такъ вѣщала матерь твоя. Не удивляйся, Полидоръ, ея видѣнію; чистая и непорочная

душа есть часъ Божества всевидящаго, и можетъ проникать во грядущее, какъ самъ Богъ будущее предвидитъ; и такъ надлежитъ тебѣ сообразоваться съ видѣніемъ пророчествующей твоей матери, и предначертаніямъ твоея жизни по ея внушеніямъ слѣдовать. Не въ опечесство тебѣ возвратиться долженъ свуетъ — надлежитъ дальному предаться спранспованію, шеспованъ въ неизвѣстные предѣлы, ежели ты благополученъ бытъ хочешь. Шеспуй, юноша почтенный! нѣкій Оракулъ, о коемъ да умолчу, подшвердилъ мнѣ то же самое, что изрекла мать твоя; — шеспуй къ восточнымъ странамъ. Мнѣ непостижимы судьбы твои; но вниди во Эпиру, и вступи древесъ Додонскія о предлагаемъ тебѣ пути; онъ возвѣстятъ тебѣ, для кого, и куда стези твои направишь. —

Вѣрю словесамъ твоимъ, Трипполемъ! отвѣчалъ Полидоръ; вѣрю прорицаніямъ, матерью моею во уста твои вложеннымъ; но просипельно мнѣ мое недоуміе. Почто родители мои ничего въ ихъ завѣщаніи о моемъ жребіи не упомянули? увы! почто во Славянской пещерѣ они не предвозвѣстили мнѣ бѣдспвенной моей судьбины? Духъ бы мой нечаянными пораженіями не возмущился, какъ нынѣ возмущается. — Боги сами, рекъ Трипполемъ, сокрываютъ отъ насъ для блага нашего судьбу нашу. Ежели бы мы предвидѣли наши злоключенія, то съ то-